

АНАСТАСИЯ М

ОСТРОВ
ИЛЛЮЗИЙ

— КНИГА 2 —
ГРАНЬ БЕЗУМИЯ

18+

Анастасия М
Грань безумия

«Автор»

2026

М А.

Грань безумия / А. М — «Автор», 2026

Марк выжил в шторме, но на шестнадцатый день отпуска Елена, Денис и Алиса понимают: с рокового берега вернулся кто-то другой. Новый «Марк» идеален — его движения точны, а руки больше не дрожат. Но за его безупречной вежливостью скрывается ледяная пустота, а по ночам он спорит с невидимым гостем и заколачивает окна от несуществующей воды. Остров Иллюзий медленно стирает личность мужчины, готовя место для кого-то изголодавшегося на дне. Пока Елена отчаянно пытается спасти остатки своего брака, дети начинают собственное расследование. Тайные заметки в телефоне Дениса и пророческие рисунки Алисы доказывают: времени почти не осталось. Чужое присутствие подбирается к каждому члену семьи, а океан за стенами терпеливо ждёт финала. Из этой ловушки нельзя сбежать — остров никого не отпускает.

© М А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
День 16. ЕЛЕНА	5
Глава 2	8
День 16. ДЕНИС	8
Глава 3	10
День 17. МАРК	10
Глава 4	12
День 18. АЛИСА	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анастасия М

Грань безумия

Глава 1

День 16. ЕЛЕНА

"Я нарисую тебя без теней, папа. Только живым. Главное — держись за наши голоса сквозь пелену минут и ни за что не разжимай пальцы под водой".
— Из блокнота Алисы

Елена проснулась от тишины.

Не от звука - от его отсутствия. Дом стоял слишком правильным. Воздух плотный, тёплый, будто ночь аккуратно сложили и убрали. Ни капли. Ни шагов. Ни того тонкого, почти звериного скрежета, которым Марк последние две недели скреб по темноте, взад-вперёд, сорок три шага до стены и обратно.

Она лежала неподвижно и слушала.

Марк дышал рядом. Ровно. Глубоко. Без сбоев. Грудь поднималась и опускалась с механической точностью исправной вещи. Елена повернула голову. Его лицо в полумраке казалось стёртым - слишком спокойным, слишком гладким. Будто за ночь с него сняли всё лишнее: страх, вину, воду.

Она протянула руку. Коснулась плеча.

Кожа тёплая. Живая.

Марк открыл глаза сразу. Без растерянности, без медленного всплытия из сна. Просто открыл — и посмотрел на неё. Прямо. Ясно. Пусто.

— Доброе утро.

Голос был его. Тембр - его. Но внутри не осталось ничего вчерашнего. Ни хрипа, ни соли, ни той сорванной ноты, которой он звал её с берега, когда волна уже закрывала ему рот.

Елена кивнула. Улыбка получилась сама — привычная, нужная, как повязка.

— Как ты?

— Хорошо. — Он сел. Движения точные, собранные. Провёл ладонями по лицу, потом посмотрел на пальцы, будто проверял, все ли на месте. — Правда хорошо.

За стеной тихо скрипнула дверь. Денис. Потом - лёгкие, почти невесомые шаги Алисы. Дети не заходили. Стояли в коридоре и слушали, как взрослые делают вид, что мир снова стал прежним.

Елена встала. Пол под босыми ногами тёплый. Окно, заколоченное Марком ещё позавчера, пропускало тонкую белую полоску света. В этой полоске медленно кружились пылинки — спокойные, равнодушные, будто ничего не случилось.

— Я сделаю завтрак.

— Хорошо.

Слово упало ровно. Без усилия. Как камень в воду без всплеска.

На кухне руки предали её первыми. Чайник дрожал. Елена сжала пальцы до боли, разжала, снова сжала. Вода зашумела - привычный, безопасный звук. Она держалась за него.

Шаги за спиной. Марк вошёл босиком, в той же футболке. Остановился у стола. Смотрел долго, внимательно, будто сверял её с чем-то внутри себя.

— Ты не спала.

Не вопрос. Констатация.

— Немного.

Он кивнул, принял и подошёл ближе. Обнял сзади, положил подбородок на плечо. Запах обычный - сон, кожа, лёгкий след соли. Ничего чужого. Ничего мокрого. Ничего от вчерашнего берега.

— Я в порядке, Лена. Честно.

Елена закрыла глаза. Руки тёплые. Дыхание ровное. Голос родной.

И всё равно внутри что-то сжалось — тихо, глубоко, как дверца, которую захлопнули в пустой комнате и больше не откроют.

Слишком легко. Слишком быстро.

Слишком чисто.

Она открыла глаза. За заколоченными досками угадывался океан — голубой, ровный, бесконечно терпеливый. Такой же, как в первый день. Такой же, как всегда.

Алиса появилась на пороге. Блокнот прижат к груди обеими руками. Глаза большие, серьёзные, почти взрослые. Она смотрела на отца так, будто видела его насквозь — и уже знала, что там, под кожей.

— Папа...

Марк отстранился и повернулся. Улыбнулся. Улыбка вышла ровной, правильной, без единой трещины.

— Да, зайка?

Алиса молчала несколько секунд. Потом просто кивнула и ушла, так и не открыв блокнот. Елена проводила её взглядом. По спине пробежал короткий, ледяной ток — будто дверь в соседнюю комнату на миг распахнулась в зиму.

Марк уже доставал чашки.

— Кофе? Крепкий, без сахара. Как всегда.

— Да.

Он кивнул и принялся за дело. Движения уверенные, привычные. Словно последние пятнадцать дней можно было просто стряхнуть вместе с одеялом. Словно воды не было. Словно крика не было. Словно он не смотрел на неё вчера с берега так, будто видит в последний раз.

Елена села за стол и смотрела. Руки у него больше не дрожали. Взгляд был ясным.

Голос — спокойным.

И только когда он на мгновение обернулся к окну, она увидела отражение в матовой стенке чайника.

Марк смотрел на океан. А в его глазах на долю секунды мелькнуло что-то другое. Не страх. Не вина. Узнавание.

Как будто он уже знал, что океан смотрит в ответ.

И ждал.

Елена моргнула. Отражение стало обычным. Марк поставил перед ней чашку. Пар поднялся ровной, идеальной струйкой.

— Пей, пока горячий.

Она взяла. Пальцы дрогнули, но чашка не звякнула о блюдце.

— Марк...

— М?

Она хотела сказать: «Ты меня пугаешь».

Хотела сказать: «Слишком тихо».

Хотела сказать: «Вчера ты тонул, а сегодня готовишь кофе, будто ничего не было».

Вместо этого произнесла:

— Хорошо, что ты здесь.

Марк улыбнулся. На этот раз улыбка почти дошла до глаз.

— Я никуда не денусь.

Елена кивнула и отпила. Кофе был крепким. Правильным.

Как всегда. За заколоченным окном океан дышал ровно и беззвучно. Терпеливо.

Как человек, который умеет ждать очень, очень долго.

А где-то глубоко - под полом, под фундаментом, под всем островом - едва слышно, почти ласково капнуло один раз.

Елена сделала вид, что не услышала. И продолжила пить кофе.

Глава 2

День 16. ДЕНИС

Денис стоял в коридоре и слушал.

За тонкой дверью кухни двигалась обычная жизнь. Чайник. Чашки. Голоса. Мама сказала что-то тихое. Отец ответил ещё тише. Слово «хорошо» прозвучало дважды. Потом трижды. Слишком ровно. Слишком легко.

Денис прижал ладонь к стене. Стена была тёплой. Дом дышал спокойно, будто вчерашней воды никогда не существовало.

Он не заходил.

Алиса стояла рядом, прижимая блокнот к груди обеими руками. Она тоже не заходила. Только смотрела на щель под дверью, будто могла увидеть там что-то, чего не видели остальные.

— Он другой, — едва слышно сказала она.

Денис не ответил. Кивнул.

Они стояли ещё минуту. Потом Алиса развернулась и ушла к себе - тихо, босиком, почти не касаясь пола. Денис остался.

Он достал телефон. Открыл скрытые заметки. Пальцы двигались быстро, привычно:

День 16. Отец вернулся. Говорит «хорошо». Готовит кофе. Руки не дрожат. Смотрит на маму нормально. Слишком нормально. Алиса сказала: он другой. Я тоже так думаю.

Закрыв. Заблокировал. Сунул телефон в карман.

На кухне что-то звякнуло. Потом шаги. Дверь открылась. Отец вышел первым.

Денис не успел отступить. Они столкнулись взглядами в узком коридоре. На секунду. На две. Глаза у отца были ясными. Спокойными. Родными. А потом — нет.

На долю мгновения в них мелькнуло что-то другое. Не усталость. Не вина. Что-то плоское, внимательное, чужое. Будто за зрачками стоял кто-то второй и просто смотрел. Изучал. Запоминал.

Денис моргнул.

Глаза снова стали отцовскими.

— Доброе утро, — сказал Марк. Голос ровный. Правильный. — Не спится?

— Спитесь, — соврал Денис.

Отец кивнул. Потёр шею ладонью - жест привычный, почти домашний. Потом прошёл мимо, в сторону спальни. Запах от него шёл обычный: сон, кожа, слабый след соли. Ничего мокрого. Ничего от вчерашнего берега.

Денис остался стоять.

Сердце колотилось глухо, тяжело, будто пыталось выбраться из груди.

Он медленно выдохнул и пошёл на кухню.

Мама сидела за столом с чашкой. Держала её обеими руками. Пальцы белые в суставах. Она улыбнулась сыну — той самой улыбкой, которой улыбаются, когда нужно, чтобы дети не боялись.

— Будешь какао?

— Не хочу.

Елена кивнула. Не стала уговаривать. Только провела ладонью по столу, стирая невидимую крошку.

Денис сел напротив. Смотрел на неё. Потом — на дверь, за которой исчез отец.

— Он правда в порядке? — спросил тихо.

Мама не сразу ответила. Сделала ещё один глоток. Поставила чашку.

— Он говорит, что да.

— А ты?

Елена подняла глаза. В них на секунду мелькнуло что-то настоящее — усталость, страх, почти отчаяние. Потом она снова закрыла это лицо.

— Я не знаю, Денис. Но он здесь. И это уже много.

Денис кивнул. Встал. Вышел.

В своей комнате он закрыл дверь, сел на кровать и снова открыл заметки.

День 16. Утро. Отец посмотрел на меня. Секунду смотрел не он. Потом опять он. Мама делает вид, что всё нормально. Алиса права. Он другой.

Пальцы замерли над экраном.

Потом дописал:

Если это игра - я должен найти правила. Быстро.

Выключил телефон. Лёг поверх одеяла. Наушники надел, но музыку не включил. Просто лежал и слушал дом.

За стеной — тишина. Потом шаги. Медленные, ровные. Отец ходил по спальне. Не вперёд, как раньше. Просто ходил. Будто привыкал к пространству заново.

Денис считал. Не шаги. Секунды между ними.

И понимал: ритм другой.

Не тот, к которому он привык за две недели бессонницы. Этот был спокойнее.

Увереннее. Чужой.

Денис закрыл глаза. За окном, за заколоченными досками, океан дышал ровно. Терпеливо.

А где-то очень глубоко, под всем этим идеальным утром, капнуло второй раз.

Тише, чем вчера. Но ближе.

Глава 3

День 17. МАРК

Марк проснулся и не понял, где находится.

Комната была его. Кровать — его. Окно заколочено его руками. Но на одну короткую, скользкую секунду всё это показалось чужим. Будто он открыл глаза в чужом доме, в чужой постели, под чужим потолком, который смотрел на него слишком пристально.

Он лежал неподвижно.

Воздух пах льном, деревом и морем. Обычный запах. Правильный. Елена дышала рядом - ровно, глубоко, с той лёгкой хрипотцой, которая появлялась у неё только в самые спокойные ночи. Живая. Тёплая. Настоящая.

Марк медленно сел. Голова была тяжёлой, но ясной. Слишком ясной. Мысли ложились ровно, одна за другой, без привычной каши, без обрывков крика, без мокрой руки, которая выскальзывала из пальцев. Тишина внутри оказалась почти невыносимой.

Он посмотрел на свои руки.

Пальцы целые. Ногти чистые. Ни крови, ни соли, ни следов вчерашнего берега. Только тонкая белая линия на левом запястье - старый шрам, который он получил ещё до шторма, ещё до всего. Марк провёл по нему большим пальцем. И в этот момент что-то внутри шевельнулось.

Не голос. Не слова. Просто присутствие. Тяжёлое, мокрое, знакомое до боли. Оно лежало под рёбрами, как второй комплект лёгких, и дышало в другом ритме.

Марк замер.

— Ты здесь, — едва слышно сказал он в пустоту комнаты.

Ответа не было. Только лёгкое, почти ласковое давление изнутри. Как будто кто-то улыбнулся в темноте.

Елена зашевелилась. Повернулась на бок, не открывая глаз, протянула руку и нащупала его бедро.

— Марк... ты опять не спишь?

Голос сонный, тёплый, родной.

— Сплю, — соврал он. — Уже сплю.

Она что-то тихо промычала и снова провалилась. Пальцы остались лежать на его ноге — лёгкие, доверчивые.

Марк смотрел на них.

Потом медленно поднялся, стараясь не разбудить. Пол под босыми ступнями был тёплым. Он подошёл к заколоченному окну, прижал лоб к дереву. Сквозь щели между досками тянуло солью и холодом. Океан был там. Близко. Терпеливый.

— Я не пушу тебя, — прошептал Марк. — Слышишь? Не пушу.

Внутри стало чуть тяжелее. Будто кто-то вздохнул. Устало. Давно.

Марк закрыл глаза.

На секунду - только на одну - комната снова стала чужой. Потолок выше. Стены дальше. Воздух гуще, как под водой. А за спиной, совсем рядом, стоял кто-то мокрый и молчал.

Марк резко обернулся.

Пусто.

Только кровать. Только Елена. Только утренний свет, пробивающийся сквозь щели.

Он выдохнул. Руки тряслись. Мелко, противно, предательски.

Марк сунул их под мышки, прижал, дошёл до ванной. Закрыв дверь. Включил воду. Холодную. Ледяную. Подставил ладони. Вода била по коже, стекала между пальцев, собиралась в раковине мутным зеркалом.

Он поднял глаза на отражение.

Лицо было его. Глаза — его.

А потом - на долю удара сердца - нет.

В зрачках мелькнуло что-то плоское, тёмное, знакомое. Будто за стеклом зеркала стоял другой человек и просто смотрел. Без злости. Без просьбы. Просто ждал.

Марк моргнул.

Отражение снова стало его.

Он выключил воду. Вытер руки. Долго смотрел на полотенце, пока на ткани не остались мокрые отпечатки пяти пальцев.

Потом открыл дверь и вышел.

Елена уже сидела на кровати. Смотрела на него. Улыбалась той осторожной улыбкой, которой улыбаются людям, способным в любой момент снова сломаться.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе, — ответил Марк.

Голос прозвучал ровно. Правильно. Он сел рядом. Взял её руку. Пальцы тёплые. Живые. Настоящие.

Внутри, под рёбрами, второе дыхание медленно выравнилось под его собственное.

И стало совсем тихо. Слишком тихо.

Глава 4

День 18. АЛИСА

Алиса рисовала до рассвета.

Свет ещё не пробился сквозь щели в досках, но карандаш уже жил своей жизнью. Она не выбирала линии. Просто держала его, а он сам знал, куда идти. Бумага шуршала тихо, почти виновато.

Сначала получился папа.

Он стоял в центре листа - прямой, как всегда, когда пытался казаться сильным. Рядом — мама, Денис, она сама. Семья. Солнце. Пляж. Всё как надо.

Потом карандаш пошёл ниже.

Под ногами папы возникла первая тень. Чёрная, плотная, с глазами. Алиса уже видела таких. Она привыкла. Но рядом, почти сросшись с первой, появилась вторая. Тонкая. Мокрая. Будто её только что вытащили из воды. Она обнимала папу за плечи сзади — нежно, крепко, собственнически. Пальцы длинные, полупрозрачные. Лица не было. Только тёмный провал вместо него.

Алиса остановилась. Карандаш замер над бумагой.

Она долго смотрела на второй силуэт. Потом медленно, почти осторожно, начала закрашивать его серым. Густо. До хруста. Бумага истончилась, готова была порваться, но Алиса не остановилась. Закрасила полностью. Перевернула страницу.

На новом листе снова нарисовала семью. Без теней. С улыбками. С солнцем, у которого ресницы-лучи.

Но рука дрогнула. В самом низу, совсем мелко, сама собой появилась маленькая мокрая рука. Тянулась снизу вверх. К папе.

Алиса захлопнула блокнот. Сердце колотилось тихо, глубоко, будто тоже пыталось спрятаться. Она встала, подошла к двери и прислушалась. В доме было тихо. Папа ещё не ходил. Мама не гремела посудой. Денис не шуршал наушниками. Только океан за досками дышал ровно и далеко.

Алиса вернулась на кровать. Открыла блокнот на первой странице - там, где всё ещё было солнце и чайки. Долго смотрела. Потом тихо, почти беззвучно произнесла:

— Я вижу тебя.

Мокрая тень на последнем рисунке, казалось, чуть шевельнулась под слоем серого. Алиса закрыла блокнот, сунула его под подушку и легла поверх. Глаза не закрывала. Ждала утра.

Когда за окном наконец посерело, она услышала, как папа встал. Шаги были ровные. Спокойные. Чужие.

Алиса прижала ладонь к блокноту под подушкой и прошептала ещё раз, совсем тихо:

— Я всё равно буду рисовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.